

84.63(2Рос.6х)

С-89

С 89

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

Субракова Ольга Васильевна

ЯЗЫК ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

10.02.06 — Тюркские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Алма-Ата — 1978 г.

Ааринь Ольга Георгиевна,
Ученый сотрудник центра
О. Сутур -
24. XI. 78

Актуальность темы. Хакасскими языковедами проделана большая работа по исследованию хакасского языка, его грамматического строя, истории развития и формирования литературного языка и диалектов.

Однако до сих пор совершенно неизученным остается язык фольклора.

Традиционный язык фольклора, хотя и тесно связан с развитием общенародного хакасского языка, но имеет и свои специфические особенности. Эти особенности наблюдаются в лексике, в ономастике, в системе эпитетов-определений, в употреблении числительных, а также в морфологии и синтаксисе.

Изучение языка фольклора представляет интерес и для исследования истории хакасского языка (наличие архаизмов, историзмов, своеобразные конструкции), для раскрытия закономерностей формирования общенародного языка хакасов.

Данная работа является первой попыткой изучения языка героического эпоса — одного из древних, развитых и богатых жанров хакасского фольклора.

Цель и основные задачи исследования. Главная задача диссертации — выявить основные особенности языка героического эпоса — его лексики, морфологического строя и синтаксиса. При этом особое внимание уделяется лексике, так как в ней своеобразие языка эпоса проявляется особенно ярко.

Научная новизна и практическая ценность исследования. Работа представляет собой монографию, где впервые описывается язык героического эпоса (в области лексики, морфологии и синтаксиса).

Практическая ценность исследования состоит в разработке словарного состава хакасского языка, результаты которой будут включены в готовящийся хакасско-русский словарь, а также послужат в дальнейшем материалом для составления словаря синонимов и других типов словарей.

Обнаружены интересные факты в области лексики, они свидетельствуют о взаимосвязях хакасского языка с другими

родственными языками (алтайским, тувинским, якутским, киргизским и др.).

Реферируемая работа представит интерес и для учителей хакасского языка и для студентов хакасского отделения Абаканского государственного педагогического института, а также Абаканского педучилища.

Методика и источники исследования. Исследование проводилось на основе описательного, сравнительно-исторического и сравнительного сопоставления.

Источниками исследования послужили фольклорные материалы, опубликованные на хакасском языке (сб. Алыптыҥ ныммахтар, 1951, Алтын Арыҥ, 1958, Хан Мирген, 1969, Алтын Чүс, 1958, Алтын Тайчы, 1975, Хара Хусхун, 1977), и материалы рукописного фонда Хакасского НИИЯЛИ. Фольклорные тексты были записаны на слух и на магнитофонную ленту различными собирателями, в том числе и самим автором данной работы (от хайджи и сказителя из Теи Апаниса Буринакова записано сказание «Ах ой аттыҥ Ах Хан апсах» на магнитофонную ленту, с которой сделана ее текстовая запись. Рук. фонд № 674). Привлекался также материал из словарей хакасского языка и других тюркских и монгольских языков.

Публикации и апробация работы. Основные положения диссертации изложены в 5 статьях «Ученых записок» Хакасского НИИЯЛИ и в литературно-художественном альманахе «Ах таҥхыл».

Некоторые результаты исследования по лексике героического эпоса нами докладывались на научно-практической конференции (областная научно-практическая конференция по вопросам совершенствования форм и методов преподавания русского и родного языков в хакасской школе. Март, 1973) и читались в виде лекций для учителей хакасского языка и литературы на курсах повышения квалификации при Институте усовершенствования учителей, а также были опубликованы на страницах газеты «Ленин чолы».

Структура работы. Диссертация состоит из трех глав: 1) Лексические особенности языка хакасского героического эпоса. 2) Морфологические особенности языка хакасского героического эпоса. 3) Некоторые наблюдения по синтаксису, а также из Введения и Заключения. К работе приложены библиография использованных работ и список монгольских заимствований, употребляемых в языке героического эпоса.

Основное содержание.

Введение. Во введении подробно рассматривается история изучения языка героического эпоса.

Героический эпос — наиболее крупный эпический древний жанр, занимающий особое место в хакасском фольклоре.

Героические сказания прожили долгий век, слагались постепенно, развивались в течение многих веков и наконец вылились в форму больших, сложных и стройных героических эпоей, в виде которых мы их ныне и застали.

Донесли их до сегодняшнего дня знатоки и хранители народного творчества — *хайчы* 'хайджи'¹.

Далее даются некоторые сведения о наиболее одаренных и известных хайджи дореволюционного и советского периода.

Героический эпос тюркоязычных народов Сибири, подобно эпосу других народов, зародился и развивался в глубокой древности. Проблемой периодизации тюркского героического эпоса занимались многие исследователи². По мнению Е. М. Мелетинского, эпос возникает в период разложения первобытнообщинного строя и продолжает развиваться на ранних ступенях классового общества, когда родовые связи еще сохраняют большое значение в жизни человека³. В. Е. Майногашева, исследовав древнейшие сюжеты героического эпоса хакасов, придерживается концепции А. И. Уланова⁴ и считает, что они созданы в эпоху разложения материн-

¹ Х а й д ж и — исполнитель, владеющий хаем. Хай — это особая манера национального горлового пения. Мелодический хай основывается на исполнении мелодии с вполне определенной высотой звуков. Речитативный хай — горловое пение на одном звуке. Для аккомпанемента к такому хаю используются 6—7-струнный чатхан, 2 струны которого аккомпанирующие, остальные — мелодические. Настраиваемые в унисон с тоном пения, струны в процессе аккомпанемента служат постоянной опорой голосу певца. Хакасские сказания исполняются всегда под аккомпанемент чатхана и сопровождаются горловым пением. Подр. см.: А. К. Стоянов. Хакасский чатхан в прошлом и настоящем. Сб. «Вопросы истории Хакасии». Абакан, 1977, стр. 149.

² Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963; В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960, а также статьи М. А. Луэзова, М. И. Богдановой, М. К. Боровкова. — В сб.: «Киргизский эпос «Манас».

³ Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 424.

⁴ А. И. Уланов. К характеристике бурятского героического эпоса. Улан-Удэ, 1957, стр. 98.

ского рода и нарождающихся патриархальных отношений⁵.

Древнейшие героические поэмы — это стихотворные произведения, характеризующиеся композиционной стройностью и четкой сюжетной линией. Отличаются они яркой обрисовкой образов, особым поэтическим языком и высоким стилем.

Возникает вопрос, как же был создан этот особый поэтический язык с его высоким стилем, если создатели эпоса — сказители — владеют только своим диалектом, на котором не было письменности, не говоря о письменной литературе.

При решении этого вопроса, по мнению И. А. Оссовецкого, надо исходить не из современных условий бытования традиционного фольклора, а следует обратиться к эпохе возникновения и становления его⁶.

Видимо, эпос складывался в то время, когда устный общенародный язык, которым сказитель пользовался как материалом для своего творчества, «имел гораздо более широкую сферу бытования, чем любой из современных диалектов и языков»⁷. Это был, вероятно, язык высокой культуры, о существовании которого могут свидетельствовать памятники орхоно-енисейской письменности.

Многие исследователи тюркского эпоса сопоставляют героический эпос тюркских народов с памятниками тюркской письменности.

Этот высокоразвитый устный язык послужил основой для создания фольклора, его высокого стиля.

Существует мнение, что язык эпической поэзии создан на основе наддиалектной речи⁸. Э. Р. Тенишев, придерживаясь мнения А. В. Десницкой, считает, что тюркоязычные племена выработали свой наддиалектный вариант обобщенной речи, применявшийся во время публичных выступлений, обрядовых

⁵ В. Е. Майногашева. Древнейшие алыптыг нымахи и герои. — В кн.: М. А. Унтвицкая, В. Е. Майногашева. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972, стр. 66—67.

⁶ И. А. Оссовецкий. Об изучении языка русского фольклора. «Вопр. языкозн.», 1952, № 3, стр. 101.

⁷ Там же, стр. 101.

⁸ А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Изд-во «Наука», Л., 1970, стр. 19.

действий, а также устно-поэтической практике⁹. На таком наддиалекте и создавался жанр эпической поэзии у предков хакасов, воспевавших подвиги воинов-богатырей, их боевые походы, повествовавших об угоне людей в рабство вместе с их скотом и имуществом, о поединках и спорах между богатырями и т. п.

Этот наддиалект стал поэтическим языком, отличившимся составом своих традиционных формул, архаичностью лексики, а также особенностями композиции и стиля.

Позднее, уже в процессе формирования народностей, эти наддиалектные формы речи могли ложиться в основу образования общенародного языка, составляя из них комплексы определяющих признаков на фоне диалектной вариативности повседневной бытовой речи¹⁰.

Следует сказать, традиционные формы речи у хакасов характерны не только для эпической поэзии, но и для языка обрядовых действий, связанных с различного рода семейными или общественными ритуалами, соблюдавшимися в традиционном быту, — это система речевых формул, обслуживающая обширный круг наиболее важных культурных и общественных правовых явлений эпохи патриархально-феодалных отношений: набор устойчивых формул при совершении *тайыг* 'жертвоприношение огню, горному духу, небесному творцу' и т. д., при церемонии сватовства, различные *алгыс* — формы приветствий, благопожеланий и напутствий при рождении ребенка, кормлении *тӧс* — духов при обряде ызыха — священного коня — покровителя стада, при похоронных и охотничьих обрядах.

Лексические особенности языка хакасского героического эпоса. В данной главе рассматриваются исторические пласты лексики языка эпоса (исконно тюркская лексика и иноязычная лексика).

В лексике любого языка своеобразно отражается история народа, его связи и взаимоотношения с другими народами.

⁹ Э. Р. Тенишев. Отражение диалектов в тюркских памятниках. «Сов. тюркология», 1976, № 1, стр. 27.

¹⁰ А. В. Десницкая. Указ. соч., стр. 19. Некоторые возможные фонетические особенности разговорного языка населения Хакасско-Минусинской котловины приводятся в статье М. И. Боргоякова «К истории языковых отношений в Саяно-Алтайском регионе (IX—XII вв.). См.: «Тюркологический сборник», 1974, М., 1978, стр. 54—64.

Основное ядро лексики хакасского эпоса составляет исконно тюркская лексика, отражающая термины родо-племенных подразделений, родственных и семейно-брачных отношений, быта и хозяйства, представлений о природе и мире, духовной жизни народа.

Основу исконно тюркской лексики эпоса составляют:

1) собственно тюркские слова, т. е. слова, которые восходят к древнетюркскому языку;

2) тюрко-монгольские параллели;

3) лексика, общая для тюркских языков и свойственная языку ближайших соседей (шорцев, тувинцев, алтайцев, а также якутов и киргизов);

4) слова собственно хакасские.

Известно, что хакасский язык является одним из древнейших языков, в котором сохранились многие черты языка древнетюркской письменности, в частности, древнеенисейской. Как писал С. Е. Малов, «памятники эти могли принадлежать покойникам — и киргизам, и тувинцам, и тофаларам (карагасам), а также хакасам»¹¹.

В основных значениях слов за истекшие полторы тысячи лет не произошло существенных изменений. В языке сказаний по-прежнему широко употребляются древнетюркские слова типа: *алтун* 'золото', *күмүш* 'серебро', *бег* 'бек', *хан* 'правитель', 'хан', *хара* 'черный', *ак* 'белый', *еб* 'дом', 'юрта', *оғыл* 'сын', *алп* 'герой', 'богатырь', *беңгү* 'вечный', *бітіг* 'письмо', *ат* 'лошадь', *йылхы* 'лошади', *кал-* 'оставаться' и др.

Часть древнетюркских слов за длительный исторический период подверглась различным фонетическим изменениям, которые выявляются при сопоставлении с лексикой эпоса: енис.: *беңгү* 'вечный', хак.: *мөңі, мөгі*; енис.: *јаш* 'возраст', хак.: *час*; енис.: *кырк* 'сорок', хак.: *хырых*.

Отдельные слова в языке эпоса употребляются с измененной семантикой: енис.: *теңрі* 'божество', хак.: *тигір* 'небо'; енис.: *бөк-* 'удовлетворяться', 'насытиться', хак.: *пөк* 'прийтихнуть', 'умолкнуть'; енис.: *ел* 'государство', хак.: *ил, ил чирі* 'чужбина' и др.

¹¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952, стр. 7; см. также: М. И. Боргояков. Этнические и географические названия в енисейских памятниках древнетюркской письменности. — «Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ», вып. XIV. Абакан, 1970.

Наиболее устойчиво сохранившимися почти во всех современных тюркских языках, в частности и в языке эпоса, являются следующие группы слов:

1. Местоимения (*бен/мен, сиз, биз, өз* и др.);

2. Числительные (*бир, эки, үч, ... он, йигирми, алтымыш, йетмиш*);

3. Существительные, обозначающие термины родства и родственных отношений, названия частей тела, названия диких и домашних животных и некоторые другие группы слов.

Вопросу тюрко-монгольских параллелей в тюркологии посвящен ряд работ. Но тем не менее в связи с недостаточной изученностью материалов пока не выяснено, что является в них исконно общим и что — результатом заимствования.

В работе диссертант, не вдаваясь в подробности описания, сопоставляет некоторые группы терминов тюрко-монгольской общности.

Сопоставленный материал показывает, что эти общие слова-понятия являются «неотъемлемой частью основного словарного фонда общетюркско-монгольской общности, имеющей многотысячелетнюю историю. Иначе как могло стать, чтобы язык, будучи несшедшим с исторической сцены, заимствовал почти полную номенклатуру анатомических, животноводческих и т. п. названий»¹².

Лексическую основу языка хакасского эпоса составляют, как об этом упоминалось, слова тюркского происхождения, в том числе и слова, общие для языков Саяно-Алтая¹³ и якутского языка, а также собственно хакасская лексика.

Не останавливаясь на этнографических данных, подтверждающих историческую общность этих народов, диссертант анализирует лишь лингвистические данные. Анализ лексики показывает, что наиболее характерными признаками общности в языке этих народов являются:

1) наличие общих слов и терминов, отсутствующих в других тюркских языках (*сип* 'имущество', 'богатство', *чаргах* 'шкура со снятой шерстью', *чохса-* 'состояние дремоты у жи-

¹² Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, часть I. Фрунзе, 1959, стр. 93.

¹³ Поскольку территорией сложения общезыковых черт киргизских племен считаются отроги Алтая, к близкородственным языкам можно отнести и киргизский язык; см.: Б. М. Юнусалиев. Указ. соч., стр. 208.

вотных', *чирсе* - 'тосковать по родине', *ирбек/ирмек* 'разговор', 'беседа')¹⁴;

2) наличие монгольских заимствований, отсутствующих в других тюркских языках (*хучур* 'солончак', *параан* 'место в юрте, где ставились полки и сундуки', *тулага* 'забрало', *талай* 'море', *хапчал* 'ущелье', 'теснина');

3) наличие вторичных долгот, в отличие от других тюркских языков (*пиш* 'кобылица', *ээ* 'хозяин').

Заемствованная лексика языка эпоса делится на а) кетско-самоедскую б) арабо-персидскую в) монгольскую и г) русскую.

Поскольку в формировании хакасского народа участвовали различные этнические группы, в том числе кеты и самоеды, в хакасском языке сохранились слова кетско-самоедского происхождения. Кетско-самоедские слова в хакасском языке четко представлены в основном в топонимических названиях¹⁵. Что касается лексики фольклора, нам удалось зафиксировать всего несколько слов. Это такие слова, как: *хабо* 'трут', *ур* 'опухоль', 'нарост на дереве', *хуба/хума* ' меховая опушка на полах шубы' и др.¹⁶. В работе Д. Ф. Патачаковой «Качинский диалект» приводится еще ряд слов¹⁷.

Древний арабо-персидский пласт имеется во всех тюркских языках Южной Сибири и в якутском языке, а также в киргизском, казахском, уйгурском и в других тюркских языках. Но последние, в отличие от языков Южной Сибири и якутского, позднее с принятием ислама подверглись сильному влиянию арабского и персидского языков.

В лексике эпоса отмечены те же общеизвестные в тюркских языках слова арабского и персидского происхождения, такие как: *агыл* 'ум', 'разум', *хагас* 'бумага', *халых* 'народ', *изеп* 'счет', *орозо* 'пост', *хабар* 'известия', *худай* 'бог', *тахта* 'скамья', 'тахта', *наа* 'цена', *арага* 'молочная водка', *ылай* 'ил', 'празд', *амал* 'поступок', 'действие'.

¹⁴ Некоторые из этих слов свойственны только языку героического эпоса.

¹⁵ Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов. «Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ», вып. VII, 1959, стр. 73—76.

¹⁶ Г. И. Спасский. Словарь койбальского языка; его же. Словарь языка моторского. — В кн.: Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 279—304.

¹⁷ Д. Ф. Патачакова. Качинский диалект. Канд. дисс. Абакан, 1965, стр. 26—27.

Самую большую группу слов иноязычного происхождения составляют заимствования из монгольских языков.

Специальных работ, посвященных вопросам монгольских заимствований в хакасском языке, нет. Имеется небольшой перечень заимствований в учебниках хакасского языка и в грамматическом очерке, приложенном к «Хакасско-русскому словарю», в рукописи Ц. Д. Номинханова¹⁸ и в работе Н. Ф. Катанова¹⁹.

При установлении заимствованности того или иного слова диссертантом учитывались его фонетические, морфологические и семантические признаки, т. е. принципы, которые известны в сравнительно-историческом языкознании. Например, такие хакасские слова, как *хараган*, *харгана* 'кустарник', *п/малтырган* 'борщевник', *көбiрген* 'полевой лук', соответствующие монгольским *харгана*, *балчиргана*, отнесены к исконно монгольским на том основании, что аффикс *-гана/ган* является продуктивным и характерным для монгольских языков, а в тюркских языках аффикс *-гана/-ган* со значением названия растений не встречается.

Важным критерием определения заимствованности следует также считать наличие фонетических и морфологических примет, характерных для монгольских глагольных основ. Например, такие хакасские слова, как *хаалха* 'ворота', *минди* 'приветствие', *өбеке* 'предок', *хапчал* 'ущелье', 'теснина' отнесены к монгольским по следующим признакам:

1) к слову *хаалха* в монгольском языке имеется глагол *хаа-*, *хаага* 'закрывать' и однокоренные с ним именные образования *хаалга* 'ворота', 'дверь', *хаалгач* 'швейцар', 'привратник' и др.;

2) *минди*, диалектное *менди*, в хакасском бытует лишь как слово-приветствие, а в монгольском *мэнд* имеет значение 'здоровье', 'благополучие', *мэндлэх* 'здороваться', 'приветствовать';

3) с корнем *өбөг* в монгольском языке имеется глагол *өбөгрөх* 'стареть', 'стариться', от которого образованы *өбөгчлөх* 'почитать старцев', *өбөг* 'предок', *өвөөн* 'старик', 'старец', *өвөгжөөр* 'пожилой', 'старый'.

¹⁸ Ц. Д. Номинханов. Словарь лексических сходжений хакасского и монгольского языков. Рук. фонд ХагНИИЯЛИ, № 264.

¹⁹ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.

Наличие таких слов, как *кибіс* 'ковер', *сырай* 'лицо', *арчан* 'целебный минеральный источник', *сірее* 'скамейка', 'диван', *арчол* 'платок' и мн. др. только в языках народов Южной Сибири и в якутском языке и некоторых из них в киргизском языке и соответствующих параллелей в монгольских языках, с одной стороны, и отсутствие этих слов во всех других тюркских языках, с другой стороны, дает основание считать эти слова также заимствованными из монгольских языков.

Приводится еще ряд слов, которые отнесены к числу заимствованных из монгольских языков на основе рассмотренных принципов (*параан* 'полки в юрте', *арачаан/арачоон* 'молочная водка', *талай*²⁰ 'море', *том* 'лекарство', 'снадобье', *арга* 'средство', 'способ', *пайзаң* 'дворец', богато обставленная юрта', *погана* 'короткий', *ногаан* 'зеленый', *килегей* 'заика' и др.).

Из приведенных примеров видно, что монгольские заимствования в языке эпоса под влиянием фонетических законов хакасского языка подвергались небольшому фонетическому и морфологическому изменению, а в некоторых случаях изменилась и семантика монголизмов, так, монг. слово *гоомай* 'недостаточно крепкий', 'ненадежный' в хакасском языке приобрело несколько иной оттенок в семантике: *хомай* 'плохой', 'нехороший'; *маргаа(н)* в монгольском языке обозначает 'спорт', а в хакасском *марыг* 'состязание', 'соревнование'.

В работе отмечается, что по степени распространенности монголизмов имеются некоторые различия по диалектам. Например, такие слова, как *минді* 'приветствие', *сірее* 'диван', *ногаан* 'зеленый', *мағыс* 'лицо', 'лик', *өбеке* 'предок' и некоторые другие употребляются только в кызыльско-качинских сказаниях, а *харчых* 'клещ', *миндір/мүндүр* 'град', *сахсарга* 'мерлушка' и др. — только в сагайских. Некоторые монголизмы употребляются как синонимы исконных хакасских слов: *изен-минді*, *пайзаң* *иб*, *албаты чон*, *арга-мөрий*, *арчол плат*. Постепенно у некоторой части парных сочетаний первая часть

²⁰ Есть предположение, что *талай* является китайским заимствованием. Клоусон считает, что это сложное слово, которое состоит из *та* 'большой' и *луй* 'река' (средневековое название реки Синганьхэ в провинции Цзянзи, по которой турки совершали набег в конце VII века и впервые увидели море); см.: Дж. Клоусон. Лексико-статистическая оценка алтайской теории. «Вопр. языкозн.», 1969, № 5, стр. 38.

начала восприниматься как определение ко второму слову, в таких сочетаниях как: *абахай хыс* 'красивая девушка', букв. барышня-девушка, *албаты чон* 'подданный', 'подвластный народ', букв. подданный-народ, *арчол плат* 'платок' (*арчол* также обозначает 'платок', 'салфетку').

В язык фольклора, хотя и в небольшом количестве, проникли и заимствования из русского языка. Это в основном та часть лексики, которая вошла в основной словарный фонд хакасского языка еще до создания письменности.

В разделе «Лексические особенности» рассматриваются также собственные имена персонажей героического эпоса.

Имена героев в эпосе по происхождению являются тюркскими и монгольскими.

Имена тюркские, т. е. хакасские, в основном сложны и состоят из нескольких компонентов: определения-эпитета, основной части имени и иногда титула, например: *Алтын Арыг*, где *алтын* 'золото' является I компонентом-определением ко II компоненту — основному имени *Арыг* 'что-то чистое, возвышенное'.

Определительные слова в именах имеют значение качественной характеристики героев, социального положения и определения по полу и т. п.

Определениями-эпитетами качественной характеристики выступают имена существительные и прилагательные:

1) существительные, обозначающие вещественные понятия и материал, из которого сделан предмет. Эти эпитеты подчеркивают силу и могущество, твердость характера богатырей. Эпитеты-определения *алтын* 'золото', *күмүс* 'серебро', *торғы* 'шелк' даются основным положительным героям (*Алтын Тас*, *Алтын Тайчы*, *Күмүс Чүйстүк*, *Торғы Иней* и т. п.), *тимір* 'железо' — жестоконравным героям (*Тимір Алын*), *пус* 'лед', *тас* 'камень' даются обычно героям отрицательным — жестокосердным, мстительным. Так, во многих сказаниях персонажи по имени *Тас Чүрек* 'Каменное сердце' и *Пус Чүрек* 'Ледяное сердце' — два брата — как правило, разоряют чурт (стойбище) главного героя, уводят в рабство народ и угоняют скот-имущество богатыря, *чис* 'медь' дается посредственным героям (*Чис Мёке*, *Чис Тас*);

2) имя существительное *хан* 'царь', 'владыка' — определяет героев величественных, могущественных, достойных уважения (*Хан Хыс*, *Хан Кичегей*, *Хан Чүрек*);

3) существительное *алып* 'богатырь', 'герой' (*Алып Хан*, *Алып Тас* и др.);

4) существительные, обозначающие единичные предметы природы *ай* 'луна', *күн* 'солнце' (*Ай Мирген*, *Ай Арыг*, *Күн Төңіс*, *Күн Мічик*);

5) существительные, обозначающие названия зверей и птиц (*Хусхун Алып* 'Ворон-богатырь', *Харачхай Арыг* 'Ласточка-Арыг', *Түлгү Хыс* 'Лиса-девушка', *Хуу Иней* 'Лебедь-старушка'²¹).

Наличие имен из животного мира в якутском олонхо Н. И. Филиппова объясняет стремлением самих носителей олонхо показать своих героев ловкими и сильными, подобно животным и птицам, и по тотемическим представлениям предков якутов²²;

6) существительные, характеризующие персонажей из подземного царства и чудовищ, такие как: *үзүт* 'дух умершего человека', 'злой дух подземного мира' (*Үзүт Арыг*, *Үзүт Хан*) и др.;

7) прилагательные, обозначающие цвета. С прилагательными *ах* 'белый', *пора* 'серый' связаны имена персонажей добрых сил (*Ах Хан*, *Пора Хан*). Прилагательными *хара* 'черный', *сарыг* 'желтый' нарекаются отрицательные герои — враги или же богатыри из подземного царства (*Хара Моос*, *Хара Хусхун*, *Сарыг Тас* и др.);

8) прилагательные как качественные, так и относительные, выражающие качественную характеристику (*Хыйга Чике* 'Умный Чике', *Чарых Хан* 'Светлый Хан', *Хатыг Молат* 'Твердый булат', *Ханныг Хылыс* 'Кровавый меч' и др.).

В основной части употребляются субстантивированное прилагательное *арыг* 'чистый', обозначающее что-то светлое, возвышенное: *Алтын Арыг*, *Күмүс Арыг*, *Хан Арыг*, *Ай Арыг*, *Пичен Арыг* и др. — женские имена, а также имена, обозначающие понятие о меткости, силе и могуществе богатырей:

²¹ В научной литературе этот персонаж известен под именем Лебединая старушка или Лебединая женщина. В. Е. Майногашева, исследовав образ Хуу Иней в хакасском эпосе пришла к выводу, что следует переводить имя Хуу Иней как 'Белая старуха Волчица' — мифическая прародительница; см.: В. Е. Майногашева. — В кн.: «Исследования по языку и фольклору». Вып. 1. Изд-во «Наука» СО АН СССР. Новосибирск, 1965 стр. 202—222.

²² Н. И. Филиппова. Собственные имена персонажей якутского олонхо и бурятского улигера. — Сб. «Вопросы языка и литературы народов Сибири». Новосибирск, 1974, стр. 153—154.

мирген 'меткий стрелок', алып 'богатырь', мөке 'силач' (Хан Мирген, Тас Алып, Чис Мөке, Чирис Мөке), и существительные, обозначающие социальное положение героев и мн. др.

Другая группа собственных имен — монгольского происхождения. И, как правило, состоят они из одного слова. В основном образованы при помощи аффиксов *-дай*, *-дей*, *-тай*, *-тей*, *-лай*, которые в монгольском языке образуют имена со значением обладания чем-л.: *Хулатай*, *Чибетей*, *Күрелдей*, *Көкетей*, *Саадай*, *Сибелдей*, *Пораалдай*, *Тораалдай*, *Айдолай*²³ и др.

II. Морфологические особенности языка хакасского героического эпоса. В этой главе диссертант останавливается на морфологической структуре языка эпоса по частям речи: имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глагол, наречия, частица, союз, междометия. Рассматриваются особенности форм и способов выражения грамматических значений и словообразования.

Словообразование путем сочетания семантически однородных слов, который известен уже в древнетюркских письменных памятниках, широко используется в героических сказаниях, являясь средством художественного изображения.

Структурно парно-сочетающиеся слова в эпосе не отличаются от подобных слов современного хакасского и других тюркских языков²⁴. Компоненты их могут быть однозначными, т. е. повторением одного и того же слова (*хайда-хайда* 'где-где', *изен-изен* 'здравствуй'), однородными или синонимичными (*аарлазып-сыйлазып* 'угощая друг друга', *им-том* 'лекарство', 'снадобье', *изен-минди* 'приветствие', *ис-мал* 'имущество') и противопоставленными (*ырах-чагын* 'далекое-близкое', *хараа-күнөрте* 'день-ночь', *анда-мында* 'туда-сюда').

В парно-сочетающихся словах иногда один из компонентов

²³ Не исключено, что имя Айдолай тюркского происхождения. В древнетюркских текстах встречается имя **Ай Толды** 'Полнолуние', а в хакасском языке полнолуние — **ай толызы**, **ай толды**; см. отрывки из «Кутадгу билиг» в кн.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 224—304.

²⁴ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962; Е. И. Убрятова. Парные слова в якутском. Сб. «Язык и мышление», XI, 1948; Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1955; Д. Ф. Патачакова. Парно-сочетающиеся слова в хакасском языке. «Уч. зап. ХакНИИЯЛИ». Вып. XIV, серия филол., 1970, № 1.

не имеет самостоятельного употребления (*арға-сүйме*) или же один из компонентов является диалектным или иноязычным словом (*соғып-хағыбысхан, изен-минді*), в других — вторые компоненты выступают как своеобразные звуковые копии первых, образованные по созвучию и подобию (*сөөк-саах, улуг-туруғ*).

Парно-сочетающиеся слова имеются во всех частях речи: в существительных (*ыр-көг* 'песни', *тағ-суғ* 'реки'), прилагательных (*астығ-суғлығ аалчы* 'гость с подарками', *ойых-салбых көллер* 'неровные озера'), числительных (*алты-читі* 'шесть-семь'), наречиях (*хыйын-чайын* 'вкривь-вкось', *күннің-таңның* 'ежедневно'). Из глагольных форм — причастия и деепричастия (*парған-килген* 'всякие', *инеліп-чобалып* 'страдая').

В эпосе семантико-синтаксические функции прилагательного-определения гораздо шире и разнообразнее, чем в разговорном языке, — начиная от индивидуального поэтического определения, где прилагательное вместе с определяемым словом образует свободное синтаксическое словосочетание (*арығ-сіліг Алтын Арығ* 'прекрасная-пригожая Алтын Арығ'), и до таких, которые, соединяясь с существительными, образуют неразрывное, устойчивое сочетание (*ах өрге* 'белый дворец', *ах мал* 'белый скот').

Подобные сочетания, выражающие цвет (они, видимо, являются древнейшими), в эпосе относятся к постоянным эпитетам-определениям, имеющим в какой-то мере украшающий характер и традиционность. Эта цвето-световая характеристика определяется и внешним зрительным впечатлением, как таковым, и некоторыми дополнительными мифологическими мотивами. Притом она имеет как бы оценочное, обобщающее идеализирующее значение²⁵. Например, прилагательное *ах* 'белый' относится к идеальным предметам и обозначает не столько цвет, сколько какой-то постоянный признак светлого, возвышенного, положительного. Так, эпитеты-определения *алтын* 'золото', *күміс* 'серебро' также стали идеализирующими эпитетами (как в отношении предметов, так и в составе собственных имен).

Таким образом, в фольклоре все хорошее, доброе связано с белым цветом, а все отрицательное, темное — с черным

²⁵ Е. М. Мелетинский. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968, стр. 117.

(*хара*). Цветовые эпитеты употребляются не только при описании богатырей, но и в наречении их коня и названии местожительства героя.

Для эпоса характерна субстантивация прилагательных (*ыраххылар* 'далекие', букв. находящиеся далеко', *чагынгылар* 'близкие', *тостагызы* 'то, что на бересте') — средством субстантивации служат аффиксы множественного числа *-лар* и принадлежности.

Также субстантивируются словосочетания «существительное+прилагательное», в большей части прилагательное *чахсы* 'хороший', 'добрый'. Подобные словосочетания также стали традиционными. Они употребляются и в других жанрах фольклора: в песнях и тахпах.

В этих сочетаниях «существительное+прилагательное» семантическую нагрузку больше несет прилагательное, что привело к нарушению обычного порядка слов и к превращению свободных словосочетаний в устойчивые: *хыс чохсы* 'красна дева, девица-красавица (букв. девушка хорошая)', *абахай чохсы* 'прекрасная женщина (букв. женщина хорошая)', *ир чохсы, кӱлӱк чохсы, алып чохсы* 'добрый молодец' (букв. *ир чохсы* 'мужчина хороший', *кӱлӱк чохсы* 'удалец хороший', *алып чохсы* 'богатырь хороший'), *ил чохсы, чон чохсы* 'народ славный' (букв. народ хороший), *ат чохсы* 'конь удалой' (букв. конь хороший).

По такому же типу «существительное+прилагательное» образуется словосочетание «числительное+прилагательное», например: *ікі чохсы* 'два молодца' (букв. два хороших), *ӱс чохсы* 'три молодца' (букв. три хороших), *ікі аран чула* 'два удалых коня'.

Сочетания «существительное+прилагательное» могут принимать аффиксы принадлежности: *ир чохсызы* 'лучший из мужей', *ат кирізі* 'старый конь', *чир пӱзігі* 'высочайшая из гор', *хыс чохсызы* 'лучшая из девушек'²⁶.

В некоторых тюркских языках, например, в алтайском, тувинском, хакасском, шорском и якутском языках, в которых нет прилагательных с аффиксом *-сыз*, обозначающим отсут-

²⁶ Это особый оборот, имеющий значение избирательности по признаку наибольшего развития качества: лучший из..., форма принадлежности здесь показывает самую высокую степень качества; см.: Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск, 1976, стр. 140.

ствие того, что обозначено основой, в качестве соотносительных антонимичных пар прилагательных, образованных при помощи аффикса **-лығ**, обозначающего обладание тем, что обозначено основой, употребляются прилагательные, образованные при помощи слова *чох* 'нет', 'не имеется' (*тағлығ* 'гористый', *тағ чох* 'не имеющий горы'). Ф. Г. Исхаков подобные определения считает сложными прилагательными, состоящими из двух слов²⁷. Следует заметить, что прилагательные, образованные со словом *чох* весьма характерны для сказаний (*палазы чох* 'бездетный', *пöгiнi чох* 'бесчисленный'), многие из них стали традиционными для эпоса (*изеби чох* 'чрезмерный', *сини-кими чох* 'безмерный', *саны-пöгiнi чох* 'неисчислимый'). Прилагательные со словом *чох* в сказаниях часто субстантивируются (*тимiр-сiзи чохтары* 'те, кто не имеют железных вертел', *хазың сiзи чохтары* 'те кто не имеют березовых вертел').

Наиболее излюбленными и часто повторяемыми являются количественные числительные *үс* 'три', *алты* 'шесть', *читi* 'семь', *тоғыс* 'девять' и некоторые десятки: *отыс* 'тридцать', *хырых* 'сорок', *илiг* 'пятьдесят', *алтон* 'шестьдесят', *читон* 'семьдесят', *чүс* 'сто'.

Числа, употребляемые в хакасском эпосе, можно подразделить на две группы:

1) сакральные числа, связанные с ранними мифологическими представлениями тюрко-монгольских народов (3, 7, 9, 12, 40 и др.)²⁸;

2) числа, зависящие от требований приема аллитерации (*алты-читi* '6—7', *илiг-алтон* '50—60', *отыс-хырых* '30—40', *алтон-читон* '60—70': *илiг сүрмезi иңнiне чайылтыр*, *алтон сүрмезi арғазына чайылтыр...* 'пятьдесят косичек по плечам рассыпаны, шестьдесят косичек по спине рассыпаны...').

Имена числительные в своем числовом значении всегда однозначны. Среди них особое место занимает только числительное *пiр* 'один'. Слово *пiр* в сказаниях используется в трех значениях:

²⁷ Ф. Г. Исхаков. Наблюдение по лексике в области прилагательных в тюркских языках. — В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». Изд-во АН СССР. М., 1961, стр. 177—178.

²⁸ С. Кенесбаев. «Жети», «Уш», «Тоғыз», «Қырық», «Пен пайланысты», «Ұғымдар». «Изв. АН Каз. ССР». Серия филолог., вып. 4 (29). Алма-Ата, 1946.

- 1) количественное числительное 'один', 'единственный';
- 2) неопределенный член—'некий', 'какой-то', в то же время сохраняет значение единичности.

Числительное *пир* также может употребляться между определением и определяемым в определительных сочетаниях, образованных способом примыкания, выполняя особую лексико-синтаксическую функцию. В этом случае слово *пир* утрачивает свое реальное значение, полностью грамматикализуется, приобретая функции своеобразного интонационного знака в поэтической речи²⁹ (*Алтын пир ызыргамны...* (нар. песня). 'Золотые свои серьги...'). Подобные сочетания для современного хакасского языка не характерны, но встречаются в сказаниях (*Кемнің, кемнің кемі полим, хайзы пир тееннің төлі полим* (Айдолай) 'Чей, чей я буду, чьим потомством я буду').

Грамматическая система глагола в сказаниях по сравнению с литературным языком особых отличий не имеет³⁰, отличаются они только некоторым своеобразием в образовании настоящего времени, где шире, чем в современном хакасском языке, участвуют вспомогательные глаголы *тур* 'стоять', *чёр* 'идти', 'пойти', 'ходить', *одыр* 'сидеть', *чат* 'лежать', 'находиться'. Эти глаголы без специальных аффиксов могут выражать значение настоящего времени и участвуют в образовании сложных форм глагола (*кёр тур* 'смотрит', *кёр чёр* 'смотрит', *киліп одыр* 'идет', *пасчадыр* 'пишет'). Наиболее часто из них употребляется глагол *чат* в форме *чадыр*, заменяя форму настоящего времени на -ча/-че (здесь др. -тюрк. глагол *чат*- 'лежать' является исходным для образования аффикса -ча/-че)³¹.

Вспомогательный глагол *чадыр*, утратив свое лексическое значение, слился в одно слово с основой глагола и подчинился закону гармонии гласных. Глагол *чадыр* обозначает действие, совершающееся в момент речи о нем (*Палазы чох ханга пала полчадырбын* 'Бездетному хану ребенком становлюсь'). Аффикс *чадыр*, как и в глаголах прошедшего времени (*чатчатхан*), в сказаниях может осложняться для напев-

²⁹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 93.

³⁰ См.: Грамматика хакасского языка. Изд-во «Наука». М., 1975, стр. 200—230; В. Г. Карпов. Изъявительное наклонение в хакасском языке. Канд. дисс. Рукопись. М.

³¹ Грамматика хакасского языка, (1955) стр. 201.

ности аффиксами *чат- чада-*, выражая оттенок длительности, протяжности (*Айын айли чуртанчададырлар, чылын чыргы иртірчедедірлер* 'Месяц за месяцем проживают, год за годом проходит').

Слово *чадыр* в образовании настоящего времени в радловских и катановских записях также было основным, но, в отличие от современного хакасского языка и языка эпоса, оно не сливалось с основой глагола и не подвергалось гармонии гласных (*четі чегрән пәліг чегрән асхыр кістән чадыр, Тархан чаізаці естіп чадыр*)³².

В разделе «Глагол» характерным является употребление условной формы *полза* от глагола *пол-* 'быть', которое, не имея материального значения, приобрело союзное значение. Эта форма встречается у сказителей из Теи (Аскизского района). У некоторых из них сказания целиком строятся на условной форме. В таких предложениях форма *-за, -зе* обозначает не столько условие, сколько служит для логического выделения предшествующего слова.

III. Некоторые наблюдения по синтаксису. В III главе рассматриваются структурные типы словосочетаний и некоторые особенности простого и сложного предложений.

Словосочетания в сказаниях в структурном отношении не отличаются от словосочетаний современного хакасского языка. Их своеобразие заключается только в семантике сочетающихся компонентов. Так, если в определяющей части выступают существительные *күмүс* 'серебро', *чис* 'медь', *молат* 'сталь', *тимір* 'железо', *алтын* 'золото' и т. п., то с ними может вступать в словосочетание не любое слово, а лишь названия предметов характерных для обихода необыкновенных людей — богатырей: *стол* 'стол', *изер* 'седло', *сірее* 'скамья', 'кресло', *сарчын* 'коновязь', *чүген* 'узда', *хылыс* 'сабля' и др. А в собственных именах сочетаются как средство характеристики героев, о чем было сказано выше.

Для сказаний также характерны сложные словосочетания, состоящие из существительного в основном падеже и субстантивного имени прилагательного с определяемым словом (*чир пөзігі чарых сын* 'белый хребет очень высокий', *ат*

³² Хан Төгөс. — В кн.: «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Зап. В. В. Р а д л о в. Часть II. СПб., 1868, стр. 162.

кирiзi ах ой ат 'очень старый конь', *ир чахсызы Алып Мөке* 'лучший из богатырей Алып Мюке'); существительного в основном падеже и причастия с определяемым словом (в этом словосочетании прямой объект выражен существительным) (*ат көдiрбес Хызыл Хоох Тас алып* 'Хызыл Хоох Тас алып, которого лошадь не может удержать', *чар полған ахсы, чазы полған пут* 'рот словно берега реки, бедро широкое как степь'); существительного в дательном падеже и причастия с определяемым словом (*чобаға төреен чортчаң хула ат, чоохха төреен Алтын Тайчы* 'для тревог рожденный саврасый скакун, для пересудов рожденный Алтын Тайджи').

Среди сложных словосочетаний выделяются также в языке эпоса модели, отличающиеся своим грамматическим построением — наличием элемента предикативности в определяющей части словосочетания, которые можно назвать трехчленными определительными конструкциями³³: *аргазы пöзiк сын* 'высокий хребет', букв. хребет, спина которого высокая, *чирi пасха чир, суу пасха суғ* 'земля, земля, почва которой иная, река, вода которой иная', *чаян салған син, худай салған тус* 'время, данное богом, момент, предназначенный творцом'.

Синтаксису языка героических сказаний свойственны некоторые типы однокоренных словосочетаний, которые используются для усиления лексического значения слов (*хоных хонған, түйнег түйнеен* 'ночь ночевал', *ат адирға* 'имя давать', *ыр ырлирға/көг көглицге* 'песни петь', *сарғонаң, сарған тургандағ, илгекнең илген тургандағ* 'словно веялкой провеивают, словно ситом просеивают' *сöлир сöзиң полза, сөле* 'если есть что сказать, скажи' и др.

Поскольку сказания составлены в стихотворной форме и для них характерен образный или синтаксический параллелизм, строй предложения в них отличается некоторым своеобразием. В основном в них преобладают предложения большие по размеру, но с одинаковой синтаксической конструкцией.

Как известно, длинный ряд цепных предложений, отражающий непосредственный ход событий в наиболее упрощенной грамматической форме, был характерен для раннего

³³ Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1967; в хакасском языке см.: О. П. Анжиганова. Именные словосочетания в хакасском языке. Автореф. М., 1974, стр. 21.

эпоса в историческом развитии сложного предложения³⁴. Такие предложения весьма распространены в памятниках древнетюркской письменности.

При наличии известных типов простого и сложного предложений для героических сказаний характерны и полные и неполные и сложные бессоюзные предложения. Сравнительно мало встречаются в них безличные предложения, назывные представлены только в названиях сказаний (*Ах ой аттыг Ах Хан апсах* 'старик Ах Хан на белобуланом коне').

Для сказаний наиболее типичными являются сложные предложения типа

Игiр чирлерге ир улус
Ит толдырып одырчалар,
Пүгүр чирлерине алып улус
Мүйн толдырып одырчалар (Хан Мирген)
'Извилины своего тела мужчины
Наполняют мясом,
Кривые места тела своего богатыри
Наполняют бульоном',

образованные путем синтаксического и образного параллелизма³⁵.

Подобные предложения в эпосе по характеру смысловых взаимоотношений частей весьма разнообразны. В них отношения между предложениями выражаются особой интонацией, т. е. интонацией перечисления или противопоставления и союзной паузой.

Союзной паузой связываются чаще бессоюзные сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения: *Сыннаң пöзiк Ханым сын алтынаң изеби чох мал чөр парыбысхан; хадарған малға оттирға от читпинчеткендег, халых албат чонға чурт тар полчатхандағ* 'Под самым высоким Ханым хребтом неисчислимое количество скота прошло, поэтому стереженному скоту кажется травы не хватило, масса народа кажется жить места не осталось'. *Халых чахсы хорылчаттыр: харачылығ иб көринминче* 'Масса народа оказывается суетится из-за этого юрт с обручами не видно'. Для

³⁴ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. Изд-во «Наука». М., 1973, стр. 207—212.

³⁵ В. М. Жирмунский. О тюркском народном стихе. — В кн.: «Тюркский героический эпос». Изд-во «Наука». Л., 1974, стр. 680.

эпоса характерны изъяснительные бессоюзные предложения: *Иркем-кинчѐм суур табырах пу киптi: чарабас чирде чат хал-базын, илебес чирде иртибiспезин Алып Мoкe* 'Милая моя Алтын Арыг, сними с него быстрее эту одежду: как бы ни за что не погиб Алып Мюке, как бы невзначай не пострадал Алып Мюке'. В бессоюзных сложных предложениях вторая часть может содержать добавочное объяснение, пояснение к тому, что говорится в 1 части: *Алтын Тас оцнап-сынап турза, абанарчы кiзiчек: iдiбiссе, iрик тoкпес осхас, сазыбысса, чызыг тoкпес осхас* 'Алтын Тас когда присмотрелся, оказался он обыкновенный человек: толкнешь, как гнилой пенек, тронешь, как истлевший пенек'. Кроме того, встречаются бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых содержит указание на результат того, о чем говорится в 1 части: *Ус пуунныг ах хуу таяхты абысха кiзi пулган килip салыбысхан: чаас чарылыбысхан ѓлгер ѓзiлiбiскен* 'Старик с тремя зарубками тросточкой замахал: земля начала раскалываться, плеяды начали расщепляться'.

Взаимосвязь частей сложноподчиненного предложения выражается словоизменяющими и формообразующими аффиксами, выступающими в значении союзных слов. В значении союзных слов выступают местоимения, послелоги, послеложные слова, наречия и деепричастия. Из них наиболее распространенными являются предложения с деепричастными конструкциями (*Хас килгенче — харала хурупчат, хус килгенче — хубара хурупчат* (Ай М.) 'Пока прилетит гусь — сохни до черноты, пока прилетит птица — сохни до желтизны'), а также аффиксы падежей (-да/-де — местного, -наң/-нең — исходного, -ха/-ке — дательного: *Илгер ағыллыг чылан ух Алтын Арыга чидерінең, Алтын Арыг хыс күлүгі ах тубан полып чайылыбысхан* 'Как только змеевидная стрела, наделенная разумом, достигла Алтын Арыг, дева-богатырь Алтын Арыг, превратившись в белое облачко, рассыпалась') и аффиксы условного наклонения и притяжательные аффиксы: *Хызыл киик урунза, атарга тіп сыххабын* 'Если встретится рыжая косуля, стрелять я отправился...': *Чахсы туста чoргенім, кiзее тoбй харахтыг полгам* (Айд.) 'В былые времена я имел глаза как у человека'.

В «Заключении» кратко резюмируются наиболее существенные выводы по основным разделам диссертационной работы и подчеркиваются особенности языка героического эпоса хакасов.

* * *

Основные положения диссертации изложены в следующих статьях:

1. Хакас тіліндегі глагол формаларын пурунғы тюрк тіліндегі глагол формаларынаң тиңнестіргені. Сб. «Хакас тілінеңер паза литературадаңар». Абакан, 1967.

2. Глагольные формы хакасского языка в сопоставлении с древнееврейскими. «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Вып. XIV. Серия филолог., № 1, 1970.

3. Алыптыҕ нымахтарның тілінеңер. Литературно-худож. альманах «Ах тасхыл». Абакан, 1974, № 22.

4. Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ». Вып. XX. Серия филолог., № 3, 1975.

5. Синтаксические функции имен прилагательных в языке хакасского героического эпоса. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ». Вып. XX. Серия филолог., № 3, 1975.

6. Собственные имена персонажей в хакасском героическом эпосе. Сб. «Вопросы хакасской филологии». Абакан, 1977.

